

Проблема смеха: философский анализ

Мелентьева София Дмитриевна

студент

Кемеровский государственный университет, факультет Романо-германской филологии, г. Кемерово, Россия

E-mail: vlespodrova@yandex.ru

Проблемой смеха занимались такие ученые как Гоббс, И. Кант, Гегель, Шопенгауэр, Стерн, Спенсер, а также значительный вклад внес российский философ Л.В. Карасев с серией статей, объясняющих новую концепцию юмора и смеха.

В словаре Даля приведено следующее определение Смеха: «Смех - хохот, невольное, гласное проявление в человеке чувства веселости, потехи, взрыв веселого расположения духа; но есть и смех осмеяния, смех презрения, злобы и пр.» Пропп, как известно, выделяет следующие виды смеха: насмешливый, добрый, злой, циничный, обрядовый (искусственный).

Бергсон, французский социолог, определяет главную черту смеха как бесчувственность или “временную анестезию сердца”. Анализируя различные виды комического, Бергсон обнаруживает в них одну, как он полагает, постоянную черту, и формулирует ее так: комично все то в людях, их действиях и свойствах, что вызывает в нас представление о механичности, неуклюжести, отсутствии жизненной гибкости и приспособляемости. Например: Комизм уродства. Резкое, крайнее уродство не смешно, а отвратительно или страшно. Комично лишь уродство умеренное, например, смешным кажется лицо, похожее на гримасу нормального лица. Карикатура, по мнению Бергсона, смешит тем, что она улавливает и подчеркивает в человеке, в его лице и фигуре свойственную ему исчезающую гримасу. Комизм повторения: два лица, несколько не смешные в отдельности, вызывают вместе чувство комизма своим чрезмерным сходством. Они наводят на мысль о механическом воспроизведении, посредством, например, отливки по одной модели. Несколько не смешной жест оратора при частом повторении кажется комичным: в нем выражается скрытый автоматизм говорящего, он напоминает заводную игрушку, повторяющую одни и те же движения.

Нуаре, немецкий филолог и социолог, сравнивает явление смеха с гневом, приписывая комическому однозначно злые и даже дьявольские качества. “Открытый, веселый смех, - говорит Нуаре, - происходит от того оскаливания зубов и вырывающихся при нем криков удовольствия, коллективно ощущаемого удовлетворения, которые выступали тогда, когда племя или толпа победоносным усилием одолевали врага...”

Большой вклад в исследование феномена смеха внес Л.В. Карасев. Концепция Карасева относится к направлению, получившему название «негативистского», т.е. усмотрение в самых различных проявлениях комизма и смеха элемента негативности. У истоков этой традиции лежит формула Аристотеля: "...смешное есть некоторая ошибка и безобразия; никому не причиняющее страдание и ни для кого не пагубное"

Согласно Карасеву, истинный смех, смех тела, может быть только у младенца. Но вот наступает фаза перелома. Незаметно для себя ребенок совершает первые, пока еще нерешительные и не вполне удачные попытки смеяться над тем, что по-настоящему смешным ему вовсе не кажется. Наблюдая за взрослыми, смеющимися своим «взрослым» смехом над чем-то еще не понятным ребенку, он, подчиняясь заразной силе смеха, начинает смеяться вместе с ними. Смех ребенка формален, он лишь имитирует понимание того, что на самом деле пока еще не кажется ребенку ни смешным, ни понятным. Но постепенно дело идет на лад: он начинает все чаще угадывать, выделять те ситуации, которые следует оценивать посредством "взрослого" смеха. Научившись "смеху ума", ребенок не теряет и "смеха тела" — теперь в нем сосуществуют обе формы смеха, что дает ему возможность при помощи внешне похожих реакций оценивать самые разнообразные и не похожие друг на друга ситуации.

Несомненный интерес вызывает выражение смеха. С напряженным выдохом приоткрывается рот, щурятся глаза, ползут в длину и вширь губы, являя взору два ряда зубов. Смех усиливается, спазматические сокращения мышц диафрагмы переводят его в хохот: рот открыт, зубы обнажены полностью – они уже самая заметная, бросающаяся в глаза примета лица. Перед нами – оскал, удивительным образом совпадающий с формой проявления чувств совсем иного свойства, находящихся свое выражение в гримасах страдания, безудержного плача или же – в масках гнева и ярости: обнажение верхних зубов и напряжение височных мышц, столь характерные для проявлений ярости или страдания, оказываются одной из существенных черт смеха и даже спокойной улыбки.

Такую особенность смеющегося отмечал еще Леонардо да Винчи: «Тот, кто смеется, не отличается от того, кто плачет, ни глазами, ни ртом, ни щеками, но только неподвижным положением бровей, которые соединяются у того, кто плачет, и поднимаются у того, кто смеется».

Таким образом, маска смеха сильно напоминает маску ярости и гнева. Но между этими двумя эмоциями обнаруживается и более глубокое сходство. Оба чувства, как правило, являются несомненным выражением агрессии, смех всего лишь эстетичнее и мягче гнева, но причины «смеховой ситуации» и ситуации гнева схожи.

Плач и страдания традиционно могут быть противопоставлены смеху как эмоциональная антитеза, но только на формальном уровне. Карасев в качестве противоположной смеху эмоции предлагает стыд, т.к. источником зла, ошибки выступает сам индивид. То есть смех чаще ориентирован на другого, а стыд – на самого стыдящегося. Если стыд, как правило, эгоцентричен, то смех, напротив, ориентирован вовне: смеющегося интересует прежде всего не он сам, а кто-то другой.

Литература

1. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Насмешливый смех и другие виды смеха. – М.: Искусство, 1976. – 181 с.
2. Дмитриев. Социология или философия смеха? 1996г.
3. <http://www.bogdinst.ru/HTML/Resources/Bulletin/2/laugh.htm>.
4. Богданов А. Тайна смеха // “Молодая гвардия”. - 1923. № 2
5. Карасев Л.В. Антитеза смеха // Человек. – 1993. - № 2. – С.12-31.
6. Карасев Л.В. Лики смеха // Человек. – 1993. - № 4. – С.168-180.
7. Карасев Л.В. Парадокс о смехе // Вопросы философии. – 1989. - № 5. – С.47-65.
8. Карасев Л.В. Смех и зло // Человек. – 1992. - № 3. – С.14-27.
9. Толковый словарь русского языка // ред. В. Даль